

Он резко остановился, опустил голову и вытащил из прогоревшего кармана оберег. Весь оберег ещё сохранял форму, но красная подкладка и жёлтые нити были опалены, а кисточка внизу превратилась в пепел. Он вынужденно открыл его, и бумага, которую он перечитывал бесчисленное количество раз, сгорела, оставив только последний фрагмент.

Раньше там было написано: «Не хочу, чтобы ты просыпался». Теперь слово «просыпался» сгорело, осталось только «Не хочу тебя».

Не хочу тебя.

Ли Синчуань нахмурился, глядя на эти слова.

Прожив более двадцати лет, он никогда не верил в богов, но в этот момент, почему-то, начал смиряться с судьбой. Возможно, настал тот самый момент, когда приходится принимать реальность.

Он резко лёг, прямо на пустынной дороге, спину кололи камни, но он лежал неподвижно, затем вдруг начал кричать в ночное небо. Его хриплый, громкий крик разносился по полям, словно он хотел разорвать горы. Он кричал так громко, что даже птицы на деревьях испуганно взлетели, уносясь прочь.

Прокричав так почти минуту, он вдруг услышал шаги. Кто-то подходил сзади, это была женщина. Ещё не услышав шагов, он почувствовал её духи. Он резко вскочил, готовый к обороне.

Женщина подошла, её стройная фигура была изящной, короткая юбка подчёркивала длинные ноги. Подойдя ближе, она засмеялась, прикрывая рот рукой:

— Я думала, кто тут орёт, оказывается, солдатик. Что, потерялся и плачешь?

С этими словами она без страха подошла ещё ближе, рассмотрела его и воскликнула:

— Ой, здесь же никого нет, ты что, раздеваешься?

Но, смеясь, она всё же бросала на него кокетливые взгляды.

— Отойди от меня, — резко сказал Ли Синчуань.

— Фу, думаешь, я хочу на тебя смотреть? — Женщина грациозно повернулась, юбка взлетела, обнажая белоснежные бёдра.

Ли Синчуань проигнорировал её, но, когда она подошла к велосипеду, вдруг остановилась, её голос стал настороженным:

— Ты куришь марихуану?

— Откуда ты знаешь?

— Запах такой сильный, как я могу не почувствовать?

Она хотела приподнять одежду, чтобы посмотреть, но Ли Синчуань оттолкнул её руку:

— Не трогай, это только что конфисковано.

— Откуда конфисковал?

— Только что кто-то курил в поле, наверное, местные фермеры, но они убежали.

Женщина задумчиво кивнула, и её взгляд стал более серьёзным:

— Эти вредные вещи нужно конфисковывать.

После этого разговора у Ли Синчуаня пропало желание покупать сигареты, он сел на велосипед, но она схватила его за руль.

— Подвези меня, солдатик, ноги устали.

Было уже поздно, и она, женщина, шла одна по такой безлюдной дороге.

Ли Синчуань обернулся и впервые внимательно посмотрел на неё. Только теперь он заметил, что на её теле были раны, на руках и ногах виднелись длинные красные полосы, словно от ударов плетью.

Она не стала ждать его ответа, ловко свернула одежду с марихуаной и села на велосипед. Увидев его нахмуренный взгляд, она улыбнулась и отдала шутливый салют:

— Служу народу!

Её смех разносился по ветру.

Так Ли Синчуань познакомился с матерью Сяо Шу, Сяо Цзе. Они прошли вместе небольшой путь, и, разговаривая, обнаружили, что оба из Линьцзяна, словно это была судьба. Позже, когда они сблизились, она рассказала, куда шла в тот день.

У неё был постоянный клиент, за сто юаней она шла несколько километров, чтобы оказать ему услуги. Но, как она говорила, сто юаней здесь — это большие деньги, Ли Синчуань, не смотри свысока, если ты захочешь моих услуг, я возьму сто двадцать.

Сяо Цзе была куда более весёлой, чем Синчуань. Она была наркоманкой почти год, болела раком лёгких два года, занималась проституцией пять-шесть лет, но всегда могла пошутить над собой и другими.

Её оптимизм был непонятен Ли Синчуаню, потому что он считал, что женщина, оказавшаяся в такой ситуации, вряд ли имеет смысл жить. Позже, посетив её маленький, старый дом, он понял, откуда берётся её оптимизм.

У неё был ребёнок. Маленький младенец, с круглым лицом, спал в коляске, только ел и спал. Нет, ещё улыбался. Сяо Шу с рождения любил улыбаться, особенно когда видел Ли Синчуаня, даже если слюна текла из уголков рта.

— Когда я была беременна им, у меня нашли рак. После родов денег на лечение не было, и когда боль становилась невыносимой, мой парень делал мне уколы. Мне всё равно, у меня остался год-два, так что зарабатываю, сколько могу. — Сяо Цзе говорила это, щёлкая языком.
— Улыбнись, улыбнись.

Ли Синчуань, обычно суровый, иногда тоже играл с Сяо Шу. Он протягивал палец, и Сяо Шу брал его в рот, он подносил лицо, и Сяо Шу упирался в него ножками, буквально лез на рожон.

С тех пор почти каждый выход Ли Синчуаня был связан с Сяо Цзе. Синчуань хотел курить, Сяо Цзе была рядом, Сяо Цзе хотела уколоться, Синчуань связывал её. Они редко говорили о личном, чаще обсуждали Линьцзян и его обычаи.

Луна освещала всё вокруг, и они вместе вспоминали дом.

Однажды у Сяо Цзе началась ломка, Синчуань держал её на руках, она дрожала так, что кровать тряслась, её тело то холодело, то пылало. Когда она немного успокоилась, она лежала в его объятиях, вся в поту, и тихо говорила:

— Ты так любишь детей, почему не заведёшь своих? В армии нельзя жениться?

В комнате было темно, никого не было, отец Сяо Шу был уже не в первый раз в центре реабилитации.

— У меня никогда не будет детей, — Синчуань рассказал ей свой секрет.

Она, дрожа от холода, засмеялась:

— Никогда не видела такого дурака, люди шутят, а ты всерьёз. Ты не слышал историю о паре, которая решила вместе прыгнуть с крыши, но один прыгнул вперёд, а другой — назад?

Синчуань ответил:

— Может, второй просто боялся высоты.

Сяо Цзе смеялась до слёз:

— Синчуань, я поняла, в чём наша ошибка. Меня зовут Сяо Цзе, но я самая грязная, тебя зовут Синчуань, но ты никогда не был трезвым. Какая ирония.

Синчуань повторил ей то, что говорил Лин И:

— Грязны только те, кто сам себя опускает.

Услышав это, Сяо Цзе выглядела печальной:

— Ты прав, я сама себя опустила.

Он понял, что некоторые слова можно сказать одному человеку, но не другому.

— Знаешь, почему Лин И передумал, Синчуань? Потому что ты слишком плохо говоришь, ты самый косноязычный человек, которого я знаю. — Сяо Цзе смотрела на него, её глаза были полны боли.

Он смотрел на Сяо Цзе, конечно, он сожалел, но больше чувствовал горечь. Он сказал:

— Ты права.

— Я ещё не закончила. — Сяо Цзе тихо плакала, её руки сжали его воротник. — Ты также самый надёжный человек, которого я знаю. Синчуань, я прошу тебя об одном, если ты согласишься, я подарю тебе что-то.

— Говори.

— Когда я умру, стань отцом Сяо Шу, воспитай его полезным для общества человеком, не таким, как я. Я — отбросы общества, любой может плюнуть на меня.

Синчуань ответил:

— Я — исключение.

— Я знаю, что ты не плюнешь, я просто хочу тебя поддеть. — Сяо Цзе смеялась сквозь слёзы. — Мне нравится, как ты злишься.

Они были настоящими друзьями, чистой дружбой, но, к сожалению, всё прекрасное в этом мире недолговечно.

— Ты согласишься?

— Живи и сама заботься о Сяо Шу.

— Ты отказываешься?

— Я дал слово Лин И.

Кто раньше пришёл, того и очередь. Синчуань не мог предать Лин И.

Сяо Цзе отпустила его, чуть не упав с кровати, и зарыдала в подушку. В ту ночь она выплеснула всю свою боль, рассказала Ли Синчуаню, что она не стала бы такой, если бы не Ян Бинь, который в гневу на ТЭЦ отрезал её отцу два пальца. Её семья не могла найти справедливости, мать была глухонемой. Она вынуждена была пойти на панель, а затем с парнем переехала на границу, и её семья считала её мёртвой.

<http://bllate.org/book/16753/1540484>